

**КОНСТАНТИН АРТАМОНОВ
АННА АГАПИТОВА**

МЮЗИКЛ

В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ

«ГРОЗА»

**ЛИБРЕТТО ПО ПЬЕСЕ
АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА ОСТРОВСКОГО**

2024

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Савел Прокофьевич Дикóй, купец, значительное лицо в городе.

Борис Григорьевич, племянник его, молодой человек, порядочно образованный.

Марфа Игнатьевна Кабанова (Кабаниха), богатая купчиха, вдова.

Тихон Иваныч Кабанов, ее сын.

Катерина, жена его.

Варвара, сестра Тихона.

Кулигин, мещанин, часовщик-самоучка, отыскивающий перпетуум-мобиле.

Ваня Кудряш, молодой человек, конторщик Дикого.

Феклуша 1, странница.

Феклуша 2, девка в доме Кабановой.

Городские жители обоего пола.

Действие происходит в городе Калинове, на берегу Волги, летом.

ХОР I:

Бла-алепие, бла-алепие,
Красота-то кругом – диво дивное!
Как за пазухой у Владетеля
Поживаем простые, наивные.

ХОР II:

В нашем городе бессердечие
Держит чернь да мещанство в строгости,
И подменено человеческое
Нормой грубости да жестокости.

ХОР I:

А купечество добродетелью
И делами благими славится.

ХОР II:

За заборами без свидетелей
Они насмерть грызутся-лаются.

ХОР I: Мы довольные, мы счастливые.

ХОР II: В кабале сидим за насущное.

ХОР I: Люди добрые, благочестивые.

ХОР II: Тянем годы, что нам отпущены.

Солист ХОРА II:

Злые-злые, заскорузлые,

На объедках и на по́дателях:

Вам не слышно райской музыки,

Вы всё время мимо ходите.

Солистка ХОРА I:

За щедроты и подаяния

Пусть умножится состояние

У Дикого, у Митрофановых

И особенно у Кабановых.

Все расходятся.

Кулигин сидит на скамье и смотрит за реку. Кудряш прогуливается.

Кулигин. Чудеса, истинно надобно сказать, что чудеса! Кудряш! Вот, братец ты мой, пятьдесят лет я каждый день гляжу за Волгу и все наглядеться не могу.

Кудряш. А что?

Кулигин. Вид необыкновенный! Красота! Душа радуется.

Кудряш. Ага! Да ведь с тобой что толковать! Ты у нас не от мира сего, химик.

Кулигин. Механик, самоучка-механик.

Кудряш. Все одно.

Кулигин (*показывает в сторону*). Посмотри-ка, брат Кудряш, кто это там так руками размахивает?

Кудряш. Это? Это Дикой племянника ругает.

Кулигин. Нашел место!

Кудряш. Ему везде место. Боится, что ль, он кого! Достался ему на жертву Борис Григорьич, вот он на нем и ездит. Уж такого-то ругателя, как у нас Савел Прокофьич, поискать еще! Ни за что человека оборвет. Пронзительный мужик!

Кулигин. Хороша тоже и Кабаниха.

Кудряш. Ну, да та хоть, по крайности, все под видом благочестия, а этот как с цепи сорвался!

Проходят Дикой и Борис, Кулигин снимает шапку.

Дикой. Баклуши ты, что ль, бить сюда приехал? Дармояд! Пропади ты пропадом!

Борис. Праздник; что дома-то делать.

Дикой. Найдешь дело, как захочешь. Раз тебе сказал, два тебе сказал: «Не смей мне навстречу попадаться»; тебе все нейдет! Мало тебе места-то? Куда ни пойдешь, тут ты и есть! Тьфу ты, проклятый! Что ты, как столб, стоишь-то? Тебе говорят аль нет?

Борис. Я и слушаю, что ж мне делать еще!

Дикой (*посмотрев на Бориса*). Провались ты! Я с тобой и говорить-то не хочу, с езуитом. (*Уходя.*) Вот навязался! (*Плюет и уходит.*)

Кулигин. Что у вас, сударь, за дела с ним? Не пойдем мы никак. Охота вам жить у него да брань переносить.

Борис. Уж какая охота, Кулигин! Неволья.

Кулигин. Да какая же неволья, сударь, позвольте вас спросить? Коли можно, сударь, так скажите нам.

Борис. Отчего ж не сказать? Бабушка здесь умерла и оставила завещание, чтобы дядя нам выплатил часть, какую следует, когда мы придем в совершеннолетие, только с условием.

Кулигин. С каким же, сударь?

Борис. Если мы будем к нему почтительны.

Кулигин. Это значит, сударь, что вам наследства вашего не видать никогда.

Кудряш:

Уж так у нас в купечестве давно заведено:

Ругайте ли, хвалите ли – получите одно.

Хоть будете почтительно смотреть Дикому в рот,

Никто не запретит ему сказать наоборот.

Кулигин. Как же вы у него живете, сударь, на каком положении?

Борис. Да ни на каком. «Живи, – говорит, – у меня, делай, что прикажут, а жалованья, что положу». То есть через год разочтет, как ему будет угодно.

Кудряш. У него уж такое заведение. У нас никто и пикнуть не смей о жалованье, изругает на чем свет стоит.

Борис. Тетка каждое утро всех со слезами умоляет: «Батюшки, не рассердите! Голубчики, не рассердите!»

Борис. Отчего же?

Кулигин. Жестокие нравы, сударь, в нашем городе, жестокие!

ХОР:

Бла-алепие, диво дивных,
Красота!

Солистка ХОРА (альт):

За щедроты и подаяния
Пусть умножится состояние

ХОР:

У Дикого, у Митрофановых
И особенно у Кабановых.

Борис. Кабановых?

Кулигин. Ханжа, сударь! Нищих оделяет, а домашних заела совсем. Я было хотел, сударь, все это стихами изобразить...

Борис. А вы умеете?

Кулигин. По-старинному, сударь.

Борис. Вы бы и написали!

Кулигин. Как можно, сударь! Съедят, живого проглотят... Только б мне, сударь, перпету мобиль найти! Ведь англичане миллион дают; я бы все деньги для общества и употребил, для поддержки. Работу надо дать мешанству то. А то руки есть, а работать нечего. Прощайте, сударь! (*Уходит*)

Борис (один). Какой хороший человек! Мечтает себе – и счастлив. А мне, видно, так и загубить свою молодость в этой трущобе. Уж ведь совсем убитый хожу, а тут еще дурь в голову лезет! Загнан, забит – так влюбляться-то зачем? Да в кого? В женщину, с которой даже и поговорить-то никогда не удастся! (*Молчание.*) И все-таки не идет она у меня из головы, хоть ты что хочешь. Вот она! Идет с мужем, ну, и свекровь с ними! Ну, не дурак ли я? Погляди из-за угла, да и ступай домой. (*Уходит.*)

С противоположной стороны входят Кабанова, Кабанов, Катерина и Варвара.

Кабанова:

Мать послушай ты, вспомяни наказ,
По приезде туда сделай в точности.

Варвара: Да куда же он, мама, денется.

Кабанова: Слово старших-то нынче не ценится.

Кабанов: Воля ваша мне тверже камня тут.

Кабанова: Нынче дети-то матерей не чтут.

Кабанов:

Нешто, маменька, я бывал когда
Непочтителен да не искренен?

Кабанова:

Мать стара, глупа; Не годится вам,
Молодым, со старухи взыскивать.

Кабанов (вздыхая, в сторону): Ах ты, господи. (*Матери.*) Разве смеем...

Кабанова:

Любим вас, детей, как умеем.
Всё добру учить вас стараемся,
С воспитанием настрадаемся.

А потом снохе, упаси господь,
Слово скажешь какое неверное,
И пойдёт молва вдоль по улицам,
Что свекровь-то дурная, скверная.

Кабанов: Нешто, маменька, кто сказал про вас?

Кабанова:

Не слыхала, друг, не совру сейчас.
Только долго ли согрешить в таком,
Оболгать в сердцах острым языком.

Я давно уже заприметила,
Что жена тебе ближе матери,
Разлюбил меня, аль отвадили.

Кабанов. Да помилуйте, что вы, маменька!

Катерина:

Мне вы, маменька, как родная мать.
Тихон любит вас, бог-то видит.

Кабанова:

Ты могла бы, кажется, помолчать,
Чай мать сына-то не обидит.

Не юли в глазах! Наповадилась
При народе любовь-то доказывать.

Катерина:

Уж напрасно вы меня, маменька,
Стали словом обидным наказывать.

Что при людях я, что без них совсем
Всё как есть одна, не лукава.

Кабанова:

На старуху-то разобиделась! Эка важная, будто пава!
У меня об вас в сердце больно,
Поживете еще волей вольною.
В час молитвенный, за обедом ли
Помянёте хоть, уж не ведаю.

Кабанов:

Оба день и ночь молим господа,
Чтоб сберег он вас и успеха дал.

Кабанова:

Ну уж полно те, не размазывай,
Небылицы другим рассказывай.
Разговор веду не для смеха,
Уж давно я вам здесь помеха.

Кабанов. Думайте, как хотите, на все есть ваша воля; только я не знаю, что я за несчастный такой человек на свет рожден, что не могу вам угодить ничем.

Кабанова. Что ты сиротой-то прикидываешься? Что ты нюни-то распустил? Ну какой ты муж? Посмотри ты на себя! Станет ли тебя жена бояться после этого?

Кабанов. Да зачем же ей бояться? С меня и того довольно, что она меня любит.

Кабанова. Как зачем бояться! Как зачем бояться! Да ты рехнулся, что ли? Тебя не станет бояться, меня и подавно. Какой же это порядок-то в доме будет? Ведь ты, чай, с ней в законе живешь. Али, по-вашему, закон ничего не значит? Да уж коли ты такие дурацкие мысли в голове держишь, ты бы при ней-то, по крайней мере, не болтал да при сестре, при девке; ей тоже замуж идти: этак она твоей болтовни наслушается, так после муж-то нам спасибо скажет за науку. Видишь ты, какой еще ум-то у тебя, а ты еще хочешь своей волей жить.

Кабанов. Да я, маменька, и не хочу своей волей жить. Где уж мне своей волей жить!

Кабанова. Так, по-твоему, нужно все лаской с женой? Уж и не прикрикнуть на нее и не пригрозить?

Кабанов. Да я, маменька...

Кабанова (*горячо*). Хоть любовника заводи! А? И это, может быть, по-твоему, ничего? А? Ну, говори!

Кабанов. Да, ей-богу, маменька...

Кабанова (*совершенно хладнокровно*). Дурак! (*Вздыхает.*) Что с дураком и говорить! Только грех один!

Молчание.

Я домой иду.

Кабанов. И мы сейчас, только раз-другой по бульвару пройдем.

Кабанова. Ну, как хотите, только ты смотри, чтобы мне вас не дожидаться! Знаешь, я не люблю этого.

Кабанов. Нет, маменька, сохрани меня господи!

Кабанова. То-то же! (*Уходит.*)

Кабанов. Вот видишь ты, вот всегда мне за тебя достается от маменьки! Вот жизнь-то моя какая!

Катерина. Чем же я-то виновата?

Кабанов. То все приставала: «Женись да женись, я хоть бы поглядела на тебя, на женатого!»! А теперь поедом ест, проходу не дает – все за тебя.

Варвара. Так что ли она виновата! Мать на нее нападает, и ты тоже. А еще говоришь, что любишь жену. Тошно мне глядеть-то на тебя.
(Отворачивается.)

Кабанов. Что ж мне делать-то?

Варвара. Знай свое дело – молчи, коли уж лучше ничего не умеешь. Что стоишь – переминаешься? По глазам вижу, что у тебя и на уме-то.

Кабанов. Ну, а что?

Варвара. Известно что. К Савелу Прокофьичу хочется, выпить с ним. Что, не так, что ли?

Кабанов. Угадала, брат.

Катерина. Ты, Тиша, скорей приходи, а то маменька опять браниться станет.

Варвара. Ты проворней, в самом деле, а то знаешь ведь!

Кабанов. Уж как не знать!

Варвара. Нам тоже не велика охота из-за тебя брань-то принимать.

Кабанов. Я мигом. Подождите! (Уходит.)

Катерина. Так ты, Варя, жалеешь меня?

Варвара (глядя в сторону). Разумеется, жалко.

Катерина. Так ты, стало быть, любишь меня? (Крепко целует.)

Варвара. За что ж мне тебя не любить-то?

Катерина. Ну, спасибо тебе! Ты милая такая, я сама тебя люблю до смерти.

Молчание.

Знаешь, мне что в голову пришло?

Варвара. Что?

Катерина. Отчего люди не летают?

Варвара. Я не понимаю, что ты говоришь.

Катерина:

Отчего ж нам, людям, не дано
Ввысь лететь подобно птицам?
Разбежаться, размахнув крыла,
Воспарить и в небе заблудиться.
Воспарить и в небе заблудиться.

Катерина. Знаешь, мне иногда кажется, что я птица. Когда стоишь на горе, так тебя и тянет лететь. Вот так бы разбежалась, подняла руки и полетела.

Разве мне попробовать теперь
Там, одной, с высокого обрыва?
Прежде я летать почти могла,
А у вас об этом позабыла.
А у вас об этом позабыла.

Варвара. Ты думаешь, я не вижу?

Катерина. Такая ли я была!

Знаешь, как я в девушках жила?
Вот постой, послушай, расскажу:
Встану я, бывало, поутру,
И на ключ серебряный схожу.

Нанесу водицы для цветов,
Напою их чистою водой,
С маменькою в церковь мы пойдём,
А кругом всё свет, тепло, покой.

Катерина:

Как вернёмся, сядем вышивать
И старухи песню заведут.
Разморит старух и лягут спать,
И останусь я одна в саду.

А потом к вечерне тихий звон,
Снова пение, рассказы – благодать.
Таково мне было хорошо...

Варвара. Да ведь и у нас то же самое.

Катерина и ХОР:

Здесь как будто всё неволя –
Неродной, жестокий край.
А когда-то я ходила

В церковь божью как в рай.
Там струился через купол
Благодатный солнца свет,
И в дыму как будто ангел
Оставлял крылами след.

А бывало, встану рано
В предрассветный тёмный час,
И молюсь в саду и плачу
На коленях всякий раз.
На коленях всякий раз.

Катерина. А какие сны мне снились, Варенька, какие сны! Или храмы золотые, или сады какие-то необыкновенные, и всё поют невидимые голоса...

И теперь порою снится
Как летаю в облаках,
Но не так, не так мне спится,
В грубых мужниных руках.

Катерина (*помолчав*). Я умру скоро.

Варвара. Полно, что ты!

Катерина. Нет, я знаю, что умру. Ох, девушка, что-то со мной недоброе делается, чудо какое-то! Никогда со мной этого не было. Что-то во мне такое необыкновенное. Точно я снова жить начинаю, или... уж и не знаю.

Варвара. Что же с тобой такое?

Катерина (*берет ее за руку*). А вот что, Варя: быть греху какому-нибудь! Такой на меня страх, такой-то на меня страх!

Варвара. Что с тобой такое?

Катерина. Лезет мне в голову мечта какая-то. Ночью, Варя, не спится мне, все мерещится шепот какой-то: кто-то так ласково говорит со мной, точно голубь воркует, точно меня кто-то обнимает так горячо-горячо и ведет меня куда-то, и я иду за ним, иду...

Варвара. Ну?

Катерина. Да что же это я говорю тебе: ты девушка.

Варвара (*оглядываясь*). Говори! Я хуже тебя.

Катерина. Если б моя воля, каталась бы я теперь по Волге, на лодке, с песнями, либо на тройке на хорошей, обнявшись...

Варвара. Только не с мужем.

Катерина. А ты почем знаешь?

Варвара. Еще бы не знать!..

Катерина. Ах, Варя, грех у меня на уме! Сколько я, бедная, плакала, чего уж я над собой не делала! Не уйти мне от этого греха.

Хор Феклуш:

Что, красавицы? Поджидаете
Кавалеров своих ненаглядненьких?
Всё вам весело, всё вам радостно,
Жизнь идёт как по маслу, ладненько.

Красота-то вас ваша радует:
Ясноокие, телом складные.
Вот такие-то в омут падают.
Пожирает их пламя жадное,
Пламя адское, негасимое –
Так не радуйтесь, что красивые.

Варвара улыбается.

Что смеетесь! Не радуйтесь! (*Стучит палкой*) Все в огне гореть будете неугасимом. Все в смоле будете кипеть неуголимой! (*Уходя*). Вон, вон куда красота-то ведет, в самый омут! (*Уходит*)

Катерина. Ах, как она меня испугала!

Варвара. На свою бы тебе голову, старая карга!

Катерина. Что она сказала такое, а? Что она сказала?

Варвара. Вздор все. Очень нужно слушать, что она городит. Она всем так пророчит. Всю жизнь смолоду-то грешила. Спроси-ка, что об ней порасскажут! Вот умирать-то и боится. Чего сама-то боится, тем и других пугает.

Катерина (*зажмуриваясь*). Ах, ах, перестань! У меня сердце упало.

Варвара. Есть чего бояться! Дура старая...

Гром

Варвара (*оглядываясь*). Что это братец нейдет, вон, никак, гроза заходит.

Катерина (*с ужасом*). Гроза! Побежим домой! Поскорее!

Варвара. Что ты, с ума, что ли, сошла? Как же ты без братца-то домой покажешься?

Катерина. Нет, домой, домой! Бог с ним!

Гром. Катерина в ужасе убегает

ХОР:

У всех ворота в городе закрыты на засов,
За крепкими заборами полно свирепых псов.
О кражах ли волнуются почтенные купцы?
Иль важным делом заняты трудяги-молодцы?
А может богу молятся в домашней тишине,
Прикрыв свои старания тряпицей на окне?

Скажу вам, сударь, искренне – совсем не в этом суть.
Они семье безропотной по капле кровь сосут.
И слезы все упрятаны от посторонних глаз:
Вы сами, сударь, знаете как водится у вас.
Разврату, пьянства буйного по избам тут не счесть,
А с виду добродетели одни у них и есть.

Комната в доме Кабановых.

Варвара. Я и не знала, что ты так грозы боишься. Я вот не боюсь.

Катерина. Как, девушка, не бояться! Всякий должен бояться. Не то страшно, что убьет тебя, а то, что смерть тебя вдруг застанет, как ты есть, со всеми твоими грехами, со всеми помыслами лукавыми. Что у меня на уме-то! Какой грех-то! Страшно вымолвить!

Варвара. А ведь ты, Катя, Тихона не любишь.

Катерина. Нет, как не любить! Мне жалко его очень!

Варвара. Нет, не любишь. Коли жалко, так не любишь. Да и не за что, надо правду сказать. И напрасно ты от меня скрываешься! Давно уж я заметила, что ты любишь другого человека.

Катерина (*с испугом*). По чем же ты заметила?

Варвара. Вот тебе первая примета: как ты увидишь его, вся в лице переменишься.

Катерина (*потупившись*). Ну, кого же?

Варвара. Да ведь ты сама знаешь, что называть-то?

Катерина. Нет, назови. По имени назови!

Варвара. Бориса Григорьича.

Катерина. Ну да, его, Варенька, его! Только ты, Варенька, ради бога...

Варвара. Ну, вот еще! Ты сама-то, смотри, не проговорись как-нибудь.

Катерина. Обманывать-то я не умею, скрывать-то ничего не могу.

Варвара. Ну, а ведь без этого нельзя; ты вспомни, где ты живешь! У нас ведь дом на том держится. И я не обманщица была, да выучилась, когда нужно стало. Я вчера гуляла, так его видела, говорила с ним.

Катерина (*после непродолжительного молчания, потупившись*). Ну, так что ж?

Варвара. Кланяться тебе приказал. Жаль, говорит, что видеться негде.

Катерина (*потупившись еще более*). Где же видеться! Да и зачем...

Варвара. Грустный такой.

Катерина. Не говори мне про него, сделай милость, не говори! Я его и знать не хочу! Я буду мужа любить. Тиша, голубчик мой, ни на кого тебя не променяю! Я и думать-то не хотела, а ты меня смущаешь.

Варвара. Ты какая-то мудреная, бог с тобой! А по-моему: делай, что хочешь, только бы шито да крыто было.

Шито да крыто.

Голову в корыто!

Голову в корыто,

Чтоб все шито-крыто!

Чтоб никто не догадался,

Что ты делал, с кем встречался,

Где гулял и целовался...

Шито да крыто,

Шито да крыто...

Катерина. Не хочу я так. Да и что хорошего! Уж я лучше буду терпеть, пока терпится.

Варвара. А не стерпится, что ж ты сделаешь?

Катерина. Эх, Варя, не знаешь ты моего характеру! Конечно, не дай бог этому случиться! А уж коли очень мне здесь опостынет, так не удержат меня никакой силой. В окно выброшусь, в Волгу кинусь. Не хочу здесь жить, так не стану, хоть ты меня режь!

Варвара. Знаешь что, Катя! Как Тихон уедет, так давай в саду спать, в беседке.

Катерина (*смотря на нее*). Зачем же тебе нужно?

Варвара (*смеется*). Будем там ворожить с тобой.

Катерина. Шутишь, должно быть?

Варвара. Известно, шучу; а то неужто в самом деле?

Катерина. Где ж это Тихон-то?

Входят Кабанова и Кабанов.

Кабанова. Ну, ты помнишь все, что я тебе сказала. Смотри ж, помни! На носу себе заруби!

Кабанов. Помню, маменька.

Кабанова. Ну, теперь все готово. Лошади приехали. Проститься тебе только, да и с богом.

Кабанов. Да-с, маменька, пора.

Кабанова. Ну!

Кабанов. Чего изволите-с?

Кабанова. Что ж ты стоишь, разве порядку не забыл? Приказывай жене-то, как жить без тебя.

Катерина потупила глаза.

Кабанов. Да она, чай, сама знает.

Кабанова. Разговаривай еще! Ну, ну, приказывай. Чтоб и я слышала, что ты ей приказываешь! А потом приедешь спросишь, так ли все исполнила.

Кабанов (*становясь против Катерины*). Слушайся маменьки, Катя!

Кабанова. Скажи, чтоб не грубила свекрови.

Кабанов. Не груби!

Кабанова. Чтоб почитала свекровь, как родную мать!

Кабанов. Почитай, Катя, маменьку, как родную мать.

Кабанова. Чтоб сложа руки не сидела, как барыня.

Кабанов. Работай что-нибудь без меня!

Кабанова. Чтоб в окна глаз не пялила!

Кабанов. Да, маменька, когда ж она...

Кабанова. Ну, ну!

Кабанов. В окна не гляди!

Кабанова. Чтоб на молодых парней не заглядывалась без тебя.

Кабанов. Да что ж это, маменька, ей-богу!

Кабанова (*строго*). Ломаться-то нечего! Должен исполнять, что мать говорит. (*с улыбкой*.) Оно все лучше, как приказано-то.

Кабанов (*сконфузившись*). Не заглядывайся на парней!

Катерина строго взглядывает на него.

Кабанова. Ну, теперь поговорите промежду себя, коли что нужно.
Пойдем, Варвара!

Уходят.

Кабанов: Ты сердишься, Катюша, на меня?

Катерина: Я не сержусь, но горечи полна.

Кабанов: Да что же ты, прости, прости.

Катерина: Ах, бог с тобой. Обидела меня она.

Кабанов:

Что слушать-то её?

Что к сердцу принимать?

Пусть говорит себе, ты мимо пропускай.

Ну полно, Катя, мне пора, прощай.

Катерина: Голубчик, ты возьми с собой меня.

Кабанов:

Да что ты, Катя, бог с тобой.

Подумай – до тебя ли мне теперь,

Когда в свободу отворилась дверь?

Недели две не будет надо мной грозы.

Катерина:

Голубчик, ты возьми с меня обет,

Ты клятву дать меня заставь,

Что мыслей грешных за душой моею нет.

Чтоб видеться с чужим не смела я,

Не смела даже думать о таком,

Что я твоя, твоя, твоя.

Кабанов: Да что ж ты?

Катерина: Будь милостив, мою ты душу успокой.

Кабанов:

И слушать не хочу, ведь это грех такой.

Прощай же, Катерина.

Голос Кабановой: «Пора, Тихон!»

Кабанова. *(входит)* Ну, Тихон, пора. Поезжай с богом! *(Садится.)*
Садитесь все!

Все садятся. Молчание.

Ну, прощай! *(Встает, и все встают.)*

Кабанов *(подходя к матери).* Прощайте, маменька!

Кабанова *(жестом показывая в землю).* В ноги, в ноги!

Кабанов кланяется в ноги, потом целуется с матерью.

Прощайся с женой!

Кабанов. Прощай, Катя!

Катерина кидается ему на шею.

Кабанова. Что на шею-то виснешь, бесстыдница! Не с любовником прощаешься! Он тебе муж – глава! Аль порядку не знаешь? В ноги кланяйся!

Катерина кланяется в ноги.

Кабанов. Прощай, сестрица!

Кабанова. Прощай! Дальние проводы – лишние слезы.

Кабанов уходит, за ним Катерина, Варвара.

Кабанова *(одна).* Молодость-то что значит! Смешно смотреть-то даже на них! Кабы не свои, насмеялась бы досыта: ничего-то не знают, никакого порядка. Проститься-то путем не умеют. Хорошо еще, у кого в доме старшие есть, ими дом-то и держится, пока живы. А ведь тоже, глупые, на свою волю хотят; а выйдут на волю-то, так и путаются на покор да смех добрым людям. Смех, да и только! Что будет, как старики перемрут, как будет свет стоять, уж и не знаю. Ну, да уж хоть то хорошо, что не увижу ничего.

Входят Катерина и Варвара.

Кабанова. Ну, я богу молиться пойду, не мешайте мне.

Варвара. Я со двора пойду.

Кабанова (*ласково*). А мне что! Поди! Гуляй, пока твоя пора придет. Еще насидишься!

Катерина и Варвара.

Катерина (*задумчиво*). Ну, теперь тишина у нас в доме воцарится. Ах, какая скука! Хоть бы дети чьи-нибудь! Эко горе! Деток-то у меня нет: все бы я и сидела с ними да забавляла их. Люблю очень с детьми разговаривать – ангелы ведь это. Кабы я маленькая умерла, лучше бы было. Глядела бы я с неба на землю да радовалась всему.

Варвара (*покрывает голову платком перед зеркалом*). Я теперь гулять пойду; а ужо нам Феклуша постелет в саду, маменька позволила. В саду, за малиной, есть калитка, ее маменька запирает на замок, а ключ прячет. Я его унесла, а ей подложила другой, чтоб не заметила. На вот, может быть, понадобится. (*Подает ключ.*) Если увижу, так скажу, чтоб приходил к калитке.

Катерина (*с испугом отталкивая ключ*). На что! На что! Не надо, не надо!

Варвара. Тебе не надо, мне понадобится; возьми, не укусит он тебя.

Катерина. Да что ты затеяла-то, греховодница! Можно ли это! Подумала ль ты! Что ты! Что ты!

Варвара. Ну, я много разговаривать не люблю, да и некогда мне. Мне гулять пора. (*Уходит.*)

Катерина:

Что ж она делает? Что она думает!

Ах, сумасшедшая, гибель моя.

Ключ, что меня и спасет, и погубит,

Горькой неволи засов отворя.

Неволи засов отворя.

Выброшу ключ и забуду, где бросила.

Так, чтоб его не нашли никогда!

Руки он жжет, да мысли тревожные

В голову лезут, не зная стыда.

Лезут, не зная стыда.

Горькая доля, да бабья неволя
Давит, постылая, беды неся.
Стены противны, и дом ненавистен...
Это свекровь сокрушила меня.
Сокрушила меня.

Кто-то идет! Ах, сердце упало.
Ключик в карманчик спрятала я.
Выбросить? Нет. Видно, так было надо,
Значит, того и хотела судьба.
Так и хотела судьба.

Вру я кому? Пред кем притворяюсь?
Нет в том греха, чтоб увидеть его.
Слово сказать – малая радость,
Как же желанная ночь далеко.
Ночь еще далеко.

Кабанова и Феклуша.

Хор Феклуш:

Времена-то теперь распоследние,
Мне уж видно во всём знамение,
Подвели нас грехи многолетние,
Никакого на то сомнения.
Здесь, у вас-то пока в благоденствии,
В тишине житие составлено,
А в других городах-то содом какой,
Беготня, толкотня беспрестанная.

Кабанова. Некуда нам торопиться-то, милые, мы и живем не спеша.

Хор Феклуш:

Оттого-то у вас тут спокойствие,
Оттого-то степенность чинная,
Что исполнены вы добродетелей,
В вашей праведности причина.
Не торóпитесь вы за идеями,

В пустоту за мечтой не гонитесь,
Всё в традициях пребываете
И размеренно богу молитесь.

А другие-то в суете такой,
Как в тумане горячем хлещутся,
Всё-то дело им важным кажется,
Всё-то зов вдалеке мерещится.

А теперь еще наповадились
Запрягать себя змия огненного...

Кабанова. Слышала я, милые.

Хор Феклуш:

Он машиной им всем является,
И машиной у них величается.
А уж я-то глазами видела,
Как он лапами-то да когтистыми
Всё скребет да ревёт неистово!
А как стонет-то, стонет, матушка,
Племя адово, пламя адово,
Нам такого вовек ненадово!

Кабанова. Назвать-то всячески можно, хоть машиной назови; народ-то глуп, будет всему верить. А меня хоть ты золотом осыпь, так я не поеду.

Феклуша. Тяжелые времена, матушка Марфа Игнатьевна, тяжелые. Уж и время-то стало в умаление приходить.

Кабанова. Как так, милые, в умаление?

Феклуша. Дни-то и часы все те же как будто остались; а время-то, за наши грехи, все короче и короче делается. Вот что умные-то люди говорят.

Кабанова. И хуже этого, милая, будет.

Феклуша. Нам-то бы только не дожить до этого.

Кабанова. Может, и доживем.

Входит Дикой.

Кабанова. Что это ты, кум, бродишь так поздно?

Дикой. А кто ж мне запретит!

Кабанова. Кто запретит! Кому нужно!

Дикой. Ну, и, значит, нечего разговаривать. Что я, под началом, что ль, у кого? Ты еще что тут! Какого еще тут черта водяного!..

Кабанова. Ну, ты не очень горло-то распускай! Ты найди подешевле меня! А я тебе дорога! Ступай своей дорогой, куда шел. Пойдем, Феклуша, домой. *(Встает.)*

Дикой. Постой, кума, постой! Не сердись. Еще успеешь дома-то быть: дом-то твой не за горами. Вот он!

Кабанова. Коли ты за делом, так не ори, а говори толком.

Дикой. Никакого дела нет, а я хмелен, вот что.

Кабанова. Что ж, ты мне теперь хвалить тебя прикажешь за это?

Дикой. Ни хвалить, ни бранить. А, значит, я хмелен. Ну, и кончено дело. Пока не просплюсь, уж этого дела поправить нельзя.

Кабанова. Так ступай, спи!

Дикой. Куда ж это я пойду?

Кабанова. Домой. А то куда же!

Дикой. А коли я не хочу домой-то?

Кабанова. Отчего же это, позволь тебя спросить?

Дикой. А потому, что у меня там война идет.

Кабанова. Да кому ж там воевать-то? Ведь ты один только там воин-то и есть.

Дикой. Ну так что ж, что я воин? Ну что ж из этого?

Кабанова. Что? Ничего. А и честь-то не велика, потому что воюешь-то ты всю жизнь с бабами. Вот что.

Дикой. Ну, значит, они и должны мне покоряться. А то я, что ли, покоряться стану!

Кабанова. Уж немало я дивлюсь на тебя: столько у тебя народу в доме, а на тебя на одного угодить не могут.

Дикой. Вот поди ж ты!

Кабанова. Ну, что ж тебе нужно от меня?

Дикой. А вот что: разговори меня, чтобы у меня сердце прошло. Ты только одна во всем городе умеешь меня разговаривать.

Кабанова. Поди, Феклушка, вели приготовить закусить что-нибудь.

Феклуша уходит.

Пойдем в покои!

Дикой. Нет, я в покои не пойду, в покоях я хуже.

Кабанова. Чем же тебя рассердили-то?

Дикой. Еще с утра с самого.

Кабанова. Должно быть, денег просили.

Дикой. Точно сговорились, проклятые; то тот, то другой целый день пристают. Потому, только заикнись мне о деньгах, у меня все нутро разжигать станет.

Кабанова. Нет над тобой старших, вот ты и куражишься. А зачем ты нарочно-то себя в сердце приводишь? Это, кум, нехорошо.

Дикой. Как так нарочно?

Кабанова. Я видала, я знаю. Ты, коли видишь, что просить у тебя чего-нибудь хотят, ты возьмешь да нарочно из своих на кого-нибудь и накинешься, чтобы рассердиться; потому что ты знаешь, что к тебе сердитому никто уж не пойдет. Вот что, кум!

Дикой. Ну, что ж такое? Кому своего добра не жалко!

Кабанова. Что ж, кум, зайди. Закуси, чем бог послал.

Дикой. Пожалуй.

Кабанова. Милости просим! *(Пропускает вперед Дикого и уходит за ним.)*

Входит Борис.

Борис:

Мне б взглянуть на неё да один только раз.

Но вот в дом не войдешь, коль не звали туда.

В одном городе мы: живем рядом почти –

На молитве лишь вижу её иногда.

В этом городе странном коль стала женой,

То для мира теперь почитай умерла.

Мне бы легче жилось, каб не видеть совсем.

Не урывками мельком у всех на глазах.

Надрывается сердце – не сладишь никак.

Выйдешь в город гулять, так окажешься тут.

С ней нельзя говорить, даже этот пустяк

Навлечет на невинную душу беду.

Показываются Кудряш и Варвара. Целуются. Кудряш уходит, а Варвара подходит к своим воротам и манит Бориса. Он подходит.

Варвара *(закрываясь платком)*. Знаешь овраг за Кабановым садом?

Борис. Знаю.

Варвара. Приходи туда попозже.

Борис. Зачем?

Варвара. Какой ты глупый! Приходи: там увидишь, зачем. Ну, ступай скорей, тебя дожидаются.

Борис уходит.

Ночь. Овраг, покрытый кустами; наверху – забор сада Кабановых и калитка; сверху – тропинка.

Кудряш (*входит с гитарой*). Нет никого. Что ж это она там! Ну, посидим да подождем. (*Садится на камень.*) Да со скуки песенку споем. (*Поет.*)

Как по дорожечке да протоптанной,
Я в овраг спущусь ночью лунною.
С девкой милой тут да разгуляемся
Во тени густой да расцелуемся.

В нашем городе-то девки вольные,
Все гуляют без глазу родительского,
Только бабам сидеть дома велено,
За заборами да в душных комнатах.

Не влюбляйся, парень, да в замужняю,
Зря её погубишь, зря замучаешь.
Не простит ей народ ей вольнолюбия,
Да сживёт её со свету с белого.

Входит Борис.

Кудряш (*перестает петь*). Ишь ты! Смирн, смирн, а тоже в разгул пошел.

Борис. Кудряш, это ты?

Кудряш. Я, Борис Григорьич!

Борис. Зачем это ты здесь?

Кудряш. Я-то? Стало быть, мне нужно, Борис Григорьич, коли я здесь. Без надобности б не пошел. А вы идите своей дорогой, вот и все. Заведи себе сам, да и гуляй себе с ней, и никому до тебя дела нет. А чужих не трогай!

Борис. Напрасно ты сердишься; у меня и на уме-то нет отбивать у тебя. Я бы и не пришел сюда, кабы мне не велели.

Кудряш. Кто ж велел?

Борис. Я не разобрал, темно было. Девушка какая-то остановила меня на улице и сказала, чтобы я именно сюда пришел, сзади сада Кабановых, где тропинка.

Кудряш. Кто ж бы это такая?

Борис. Послушай, Кудряш. Я здесь ничего не знаю, ни порядков ваших, ни обычаев; а дело-то такое...

Кудряш. Полюбили, что ль, кого?

Борис. Да, Кудряш. То-то и горе мое.

Кудряш. Так неужто ж замужнюю полюбили?

Борис. Замужнюю, Кудряш.

Кудряш. Эх, Борис Григорьич, бросить надоть!

Борис. Легко сказать – бросить! Тебе это, может быть, все равно; ты одну бросишь, а другую найдешь. А я не могу этого! Уж я коли полюбил...

Кудряш. Ведь это, значит, вы ее совсем загубить хотите, Борис Григорьич! Ведь здесь какой народ! Сами знаете. Съедят, в гроб вколотят.

Борис. Ах, не говори этого, Кудряш! Пожалуйста, не пугай ты меня!

Кудряш. А она-то вас любит?

Борис. Не знаю.

Кудряш. Да вы видались когда аль нет?

Борис. Я один раз только и был у них с дядей Мне б взглянуть на нее да один всего раз.

Только в дом не войдешь, коль не звали туда.

В одном городе мы: живем рядом почти –

На молитве лишь вижу ее иногда.

Какая у ней на лице улыбка ангельская, а от лица-то будто светится.

Кудряш. Так это молодая Кабанова, что ль?

Борис. Она, Кудряш.

Кудряш. Да! Так вот оно что! Ну, честь имеем проздравить! Значит, у вас дело на лад идет, коли сюда приходить велели.

Борис. Так неужто она велела?

Кудряш. А то кто же?

Борис. Нет, ты шутишь! Этого быть не может. Я с ума сойду от радости.

Кудряш. Вот! Есть от чего с ума сходить! Только вы смотрите – себе хлопот не наделайте, да и ее-то в беду не введите! Положим, хоть у нее муж и дурак, да свекровь-то больно люта.

Варвара выходит из калитки, напевая.

Те же и Варвара, потом Катерина.

Варвара. Ты, парень, подожди. Дождешься чего-нибудь. *(Кудряшу.)*
Пойдем на Волгу.

Варвара обнимает его одной рукой и уходит.

Борис:

Неужто это явь кругом, не сон!
Всё здесь так весело, так нóво.
Как странно вертится судьбы лихое колесо,
Совсем не ждал такого.
А сердце как колотится в груди,
И дрожь в коленях не унять!
Заветное свиданье впереди...
Как мне вести себя? Что ей сказать?
Вот, кажется, идёт она...

Это вы, Катерина Петровна?

(Хочет взять ее за руку.)

Катерина: Не трогайте, не трогайте меня!

Борис: Прошу вас, не сердитесь!

Катерина:

Ах, окаянный человек, пришёл меня сгубить.
Мне этот грех вовек не замолить,
Он камнем ляжет на душу мою!

Борис:

Вы так хотели сами,
Прошу же, не гоните прочь теперь.

Катерина:

Ах совесть, совесть, дикий зверь...

Мне лучше вас не видеть никогда.

Борис:

Прошу вас, успокойтесь, сядьте.

Я разве зло вам причинил?

Катерина:

Сгубил, сгубил, сгубил.

Покинув дом ночной, пришла сюда, таясь,

Как мышь, любого шороха боясь.

Борис: То ваша воля путь сюда нашла.

Катерина:

Ах нет, я не имею воли,

Когда б имела, не пришла.

Теперь в твоих руках,

И мне уже не жить!

(Кидается к нему на шею.)

Борис:

Зачем слова такие говорить,

Когда мы вместе, наконец вдвоем,

О счастье, о любви поём.

Мы нашу тайну скроем ото всех.

Катерина:

Губи меня, губи,

Пусть знают все,

Коль на себя взвалила грех,

Суда людского я не убоюсь.

Пусть так, пусть на земле за это натерплюсь,

Чтоб легче было там...

Борис:

Да что об этом думать нам –
Теперь-то хорошо, легко,
Так стоит ли глядеть так далеко.
Я и не знал, что любишь ты...

Катерина:

Люблю, люблю давно.
Я за тобой из этой темноты
Пошла бы к свету хоть на край земли,
Не оглянулась бы ни разу,
Как по реке идут за солнцем корабли.

10 ДНЕЙ СЧАСТЬЯ...

Берег Волги. Своды старой полуразрушенной церкви

1-й (горожанин): Ай, чтой-то дождик капает, а будет ли гроза?

2-й (горожанин): Давай-ка ты за тучками следи во все глаза.

Женщина: Народу на бульваре-то сегодня пруд-пруди.

1-й: Как жахнет, так попрячутся куда-нибудь поди.

2-й: Купчихи в платьях праздничных набьются под навес,

1-й: Побалуются сплетнями, покуда льёт с небес.

2-й: Сюда-то, к нам в укрытие они и побегут...

1-й: Смотри-ка, нарисовано как будто что-то тут.

2-й:

Когда-то были росписи на этих вот стенах,
Уже почти истёрлися, вся краска в трещинах.

1-й:

Довольно затруднительно сюжеты понимать,
Неужто попонятнее нельзя нарисовать.

2-й:

Тут ад с горячим пламенем, мой друг, изображен,
И люд во всяком звании чертями окружён.

Входят Дикой и за ним Кулигин без шапки. Все кланяются и принимают почтительное положение.

Дикой (Кулигину):

Да отстань от меня, человечешка, со своею идейкой глупою!

ТЬфу ты, как же всего замочило-то, в сапогах даже ноги хлюпают.

Кулигин:

Так ведь это, Савёл Прокофьич, обывателям будет полезно,

А расход-то какой незначительный: столбик каменный, шпилька железная,

Циферблат из пластинки медной...

Дикой:

Да какой ты прилипчивый, вредный.

Али ты обокрасть меня хочешь,

Вот и бредни свои тут бормочешь.

Кулигин:

Да по что обижаете, сударь, человека простого, честного.

Дикой:

Вот и знай, что ты червь, да и только,

Не тебе лезть в устои местные.

Коль судиться вздумаешь – наперёд научу:

Захочу – помилую, захочу – растопчу.

Кулигин:

Коль часы вам безделицей кажутся, так возьмём громовые отводы,

В нашем городе грозы-то частые, защититься бы нам от природы.

Дикой: Суета, суета бесполезная. Громоводы? Какая-то дурь!

Кулигин: Так ведь опыты, опыты были – шест стальной защищает от бурь.

Дикой: Ты скажи-ка мне, аспид проклятый – что, по-твоему, эта гроза?

Кулигин: Электричество, сударь, и только.

Дикой:

Елестричество? Ну ты сказал!

Нам гроза-то идёт в наказание, чтобы помнили место своё,
Ты шестом, да какой-то рогатиной защищаться решил от неё.

Эй, почтенные, вслушайтесь только, что разбойник нам всем говорить:
Елестричество, значить, из неба он собрался шестами ловить.

Кулигин: Делать нечего, нужно смириться...

Дикой:

До чего ж я от всех вас устал,
Разбесили меня как нарочно.
Что ли кончился дождь?

1-й горожанин: Да, кажись перестал.

Дикой. Кажется! А ты, дурак, сходи да посмотри. А то: кажется!

1-й. (выйдя из-под сводов). Перестал!

Дикой уходит.

Кулигин (выходит на середину, обращаясь к толпе):

Скажите мне на милость, чего вы всё боитесь?
Гроза идет, вы прячетесь, да грома-то пугаетесь.

Весь мир кругом ликует, всем божья благодать,
И радостью полны деревья, травы и цветы.

У вас же все, что в мире есть, прекрасного и сильного
То все гроза и божий страх, всё пугала могильные.

Раскаты грома за грехи и севера сияние
Не красота на небесах, а вам же в наказание.

Комета ли появится, любой из вас удавится,
Войной и мором, скажете, приход кометы славится.

Появляется Борис

Ни в небо вы не смотрите, ни в душу человеческую,

Кругом всё видит пугала душевное увечье.

Входит Варвара

Варвара. Поди сюда. *(Манит рукой.)* Что нам с Катериной-то делать? Скажи на милость!

Борис. А что?

Варвара. Беда ведь, да и только. Муж приехал, ты знаешь ли это? И не ждали его, а он приехал.

Борис. Нет, я не знал.

Варвара. Она просто сама не своя сделалась!

Борис. Видно, только я и пожил десяток деньков, пока его не было. Уж теперь не увидишь ее!

Варвара. Ах ты какой! Да ты слушай! Дрожит вся, точно ее лихорадка бьет; бледная такая, мечется по дому, точно чего ищет. Глаза, как у помешанной! Давеча утром плакать принялась, так и рыдает. Батюшки мои! что мне с ней делать?

Борис. Да, может быть, пройдет это у нее!

Варвара. Ну, уж едва ли. На мужа не смеет глаз поднять. Маменька замечать это стала, ходит да все на нее косится, так змеей и смотрит; а она от этого еще хуже. Просто мука глядеть-то на нее! Да и боюсь я.

Борис. Чего же ты боишься?

Варвара. А вот что: бухнет мужу в ноги, да и расскажет все. Вот чего я боюсь. Никак, гроза? *(Выглядывает.)* Да и дождик. А вот и народ повалил. Спрячься там где-нибудь, а я тут на виду стану, чтоб не подумали чего.

Кабанова, Кабанов, Катерина и Кулигин.

Катерина *(вбегая).* Ах, Варвара! *(Хватает ее за руку и держит крепко.)*

Варвара. Полно, что ты!

Катерина. Смерть моя!

Варвара. Да ты одумайся! Соберись с мыслями!

Катерина. Нет! Не могу. Ничего не могу. У меня уж очень сердце болит.

Кабанова *(входя).* То-то вот, надо жить-то так, чтобы всегда быть готовой ко всему; страху-то бы такого не было.

Кабанов. Да какие ж, маменька, у нее грехи такие могут быть особенные: все такие же, как и у всех у нас, а это так уж она от природы боится.

Кабанова. А ты почему знаешь? Чужая душа потемки.

Кабанов (*шутя*). Уж разве без меня что-нибудь, а при мне, кажись, ничего не было.

Кабанова. Может быть, и без тебя.

Кабанов (*шутя*). Катя, кайся, брат, лучше, коли в чем грешна. Ведь от меня не скроешься: нет, шалишь! Все знаю!

Катерина (*смотрит в глаза Кабанову*). Голубчик мой!

Варвара. Ну, что ты пристаешь! Разве не видишь, что ей без тебя тяжело?

Борис выходит из толпы и раскланивается с Кабановым.

Катерина (*вскрикивает*). Ах!

Кабанов. Что ты испугалась! Ты думала – чужой? Это знакомый! Дядюшка здоров ли?

Борис. Слава богу!

Катерина (*Варваре*). Что ему еще надо от меня?.. Или ему мало этого, что я так мучаюсь. (*Приклоняясь к Варваре, рыдает.*)

Варвара (*громко, чтобы мать слышала*). Мы с ног сбились, не знаем, что сделать с ней; а тут еще посторонние лезут! (*Делает Борису знак, тот отходит к самому выходу.*)

ХОР:

Ползет живая туча-то,
Цвет необыкновенный.
Убьет кого-то точно –
Вид какой страшный.

Клубками туча вьётся,
Живое там внутри.
Все небо обложило,
Буря впереди.

Убьет кого-то точно,
Иль дом сгорит ночью.
Убьет кого-то точно, убьёт...

Катерина (*прислушиваясь*). Что они говорят? Они говорят, что убьет кого-нибудь.

Кабанов. Известно, так городят, зря, что в голову придет.

Кабанова. Ты не осуждай постарше себя! Они больше твоего знают. У старых людей на все приметы есть. Старый человек на ветер слова не скажет.

Катерина (*мужу*). Тиша, я знаю, кого убьет.

Варвара (*Катерине тихо*). Ты уж хоть молчи.

Кабанова. Ты почему знаешь?

Катерина. Меня убьет. Молитесь тогда за меня.

Феклуша (*одна и с хором*):

Что ж ты прячешься? Испугалась?

Умирать-то тебе не хочется!

Воля к жизни еще осталась,

Сердце вон как в груди колотится.

Молодая ты, да красивая,

Только, милая, надо знать тебе:

Красота-то ведёт к гибели,

Красота-то наше проклятие.

За таких как ты насмерть режутся,

Старики к таким липнут, нежатся.

Как введешь во грех мужиков кругом,

Так тебе за всех отвечать потом.

Куда прячешься, глупая? От бога-то не уйдешь! Все в огне гореть будете в неугасимом!

Лучше в тёмном глубоком омуте

Утопить красоту опасную,

Да скорее, скорее, милая,

Чтоб не мучить себя напрасно.

Катерина прячется.

Катерина. Ах! Умираю!

Варвара. Что ты мучаешься-то, в самом деле? Стань к сторонке да помолись: легче будет.

Катерина. Ах! Ад! Ад! Геенна огненная!

Кабанов, Кабанова и Варвара окружают ее.

Все сердце изорвалось! Не могу я больше терпеть! Матушка! Тихон! Грешна я перед богом и перед вами! Не я ли клялась тебе, что не взгляну ни на кого без тебя! Помнишь, помнишь? А знаешь ли, что я, беспутная, без тебя делала? В первую же ночь я ушла из дому...

Кабанов (*растерявшись, в слезах, дергает ее за рукав*). Не надо, не надо, не говори! Что ты! Матушка здесь!

Кабанова (*строго*). Ну, ну, говори, коли уж начала.

Катерина. И все-то десять ночей я гуляла... (*Рыдает.*)

Кабанов хочет обнять ее.

Кабанова. Брось ее! С кем?

Варвара. Врет она, она сама не знает, что говорит.

Кабанова. Молчи ты! Вот оно что! Ну, с кем же?

Катерина. С Борисом Григорьевичем.

Удар грома.

Ах! (*Падает без чувств на руки мужа.*)

Кабанова. Что, сынок! Куда воля-то ведет! Говорила я, так ты слушать не хотел. Вот и дождался!

ПРОХОДИТ ЕЩЕ 10 ДНЕЙ...

Декорация начала. Сумерки.

Тихон и ХОР:

Своего ума не нажил,
Так живи чужим весь век.
Так у нас всегда бывает:
Травит, душил и терзает
Самых ближних человек.

Всё семейство врозь расшиблось,
Все друг другу вороги.
Кайся за грехи Катюша,
Брань свекрови молча слушай,

Жить спокойно не могли.

Кулигин сидит на лавочке.

Кабанов. Слышал, братец, дела-то наши?

Кулигин. Слышал, слышал, сударь.

Кабанов. Несчастный я теперь, братец, человек! Так ни за что я погибаю, ни за грош! Уж что жена против меня сделала! Уж хуже нельзя...

Кулигин. Мудреное дело, сударь. Мудрено вас судить.

Кабанов. Нет, постой! Вот маменька говорит: ее надо живую в землю закопать, чтобы она казнилась! А я ее люблю, мне ее жаль пальцем тронуть. Побил немножко, да и то маменька приказала. Жаль мне смотреть-то на нее, пойми ты это, Кулигин. Маменька ее поедом ест, а она, как тень какая, ходит безответная. Только плачет да тает, как воск. Вот я и убиваюсь, глядя на нее.

Кулигин. Как бы нибудь, сударь, ладком дело-то сделать! Вы бы простили ей, да и не поминали никогда. Сами-то, чай, тоже не без греха!

Кабанов. Да пойми ты, Кулигин: я-то бы ничего, а маменька-то... разве с ней сговоришь!..

Кулигин. Пора бы уж вам, сударь, своим умом жить.

Кабанов. Я вот возьму да последний-то ум, какой есть, пропью; пусть маменька тогда со мной, как с дураком, и нянчится.

Кулигин. Эх, сударь! Дела, дела! Ну, а Борис-то Григорьич, сударь, что?

Кабанов. Мечется тоже, плачет. Накинулись мы давеча на него с дядей, уж ругали, ругали, – молчит. Точно дикий какой сделался. Со мной, говорит, что хотите, делайте, только ее не мучьте! И он к ней тоже жалость имеет.

Кулигин. Хороший он человек, сударь.

Кабанов. Собрался совсем, и лошади уж готовы. Так тоскует, беда! Уж я вижу, что ему проститься хочется. Ну, да мало ли чего! Будет с него. Враг ведь он мне, Кулигин ...

Кулигин. Врагам-то прощать надо, сударь!

Кабанов. Поди-ка, поговори с маменькой, что она тебе на это скажет. Так, братец Кулигин, Варвару маменька точила-точила, а та не стерпела, да и была такова, – взяла да и ушла.

Кулигин. Куда ушла?

Кабанов. Кто ее знает. Говорят, с Кудряшом с Ванькой убежала, и того также нигде не найдут. Уж это, Кулигин, надо прямо сказать, что от маменьки.

Входит Феклуша.

Феклуша. Тихон Иваныч, батюшка!

Кабанов. Говори, что там такое?

Феклуша. Да хозяйюшка ваша ушла куда-то, не найдем нигде. Сбились с ног искавши.

Кабанов. Кулигин, надо, брат, бежать искать ее. Я, брат, знаешь, чего боюсь? Как бы она с тоски-то на себя руки не наложила! Уж так тоскует, так тоскует, что ах! На нее-то глядя, сердце рвется. Чего же вы смотрели-то? Давно ль она ушла-то?

Уходят. С противоположной стороны выходит Катерина и тихо идет по сцене.

Катерина:

Где же ты, мой милый,
Как тебя искать?
Мне проститься только,
А там хоть умирать.

За любовь беспечную
Оба мы в беде:
Мне бесчестье вечное,
Вечный стыд тебе.

Ночи одинокие
Давят мне на грудь,
Днем слова жестокие
Не дают вздохнуть.

Отчего изменницу
Не казнят теперь:
Волны Волги пенятся
И зовут к себе.

Кличешь смерть-попутчицу,
Не идёт она.
Отстрадать получится
За грехи сполна.

Если мне назначено
Быть вовек одной,

Докричусь-доплачусь я
До тебя, родной!

Входит Борис.

Катерина (*подбегает к нему и падает на шею*):
Увидела таки тебя!
(*Плачет на груди у него.*)

Борис:
Поплачем вместе, коли бог привёл!

Катерина:
Прости меня, прости!
Я не желала зла тебе,
Я не желала в грех тебя ввести.
И как же ты теперь?

Борис: Я еду, Катя. Далеко.

Катерина: Возьми меня с собой, отсюда забери!

Борис:
Нельзя, мне Катя, не проси.
По воле дяди еду,
Готовы прóводы.
Меня он только на минутку отпустил
Проститься с городом...

Катерина. Поезжай с богом! Не тужи обо мне. Сначала только разве
скучно будет тебе, бедному, а там и позабудешь.

Борис:
Чего уж обо мне-то толковать!
Я птица вольная!
Как ты? Как дома у тебя?
Сурова-ли свекровь?

Катерина:
Она меня терзает

И запирает на засов.

Борис: А муж?

Катерина:

То ласков, то сердит.

Всё больше пьёт, в глаза мне не глядит.

И мысли, и слова его пусты,

Постыл он мне, постыл.

Так тяжко мне, что легче умереть!

Борис:

Кто знать бы мог, что за любовь

Такое нам терпеть придётся...

Уж лучше б мне бежать тогда!

Катерина:

Как мало радости видала я,

А горя для меня сполна найдётся.

Катерина. Вот теперь тебя видала, этого они у меня не отнимут. Что-то я тебе хотела сказать... Вот забыла! Что-то нужно было сказать! В голове-то все путается, не вспомню ничего.

Борис. Время мне, Катя!

Катерина. Погоди, погоди!

Катерина:

Сейчас скажу, сейчас.

Поедешь ты дорогой,

Так нищим подавай,

Ни одного не пропускай,

Да прикажи молиться им:

За душу грешную мою

Пусть молятся они.

Борис:

Ах, каково прощаться мне с тобой.

Злодеи! Изверги! Была бы сила!

Прощай же, Катя!

Катерина:

Нет, постой, постой!

Дай поглядеть мне на тебя в последний раз.

Ну полно, будет. Бог с тобой, ступай сейчас.

Борис (*отходит несколько шагов и останавливается*). Катя, нехорошо что-то! Не задумала ли ты чего? Измучусь я дорогой-то, думавши о тебе.

Катерина. Ничего, ничего. Поезжай с богом!

Борис хочет подойти к ней.

Не надо, не надо, довольно!

Борис (*рыдая*). Ну, бог с тобой! Только одного и надо у бога просить, чтоб она умерла поскорее, чтоб ей не мучиться долго! Прощай! (*Кланяется.*)

Катерина. Прощай!

Борис уходит. Катерина провожает его глазами и стоит несколько времени задумавшись.

Катерина (*одна*). Куда теперь? Домой идти? Нет, мне что домой, что в могилу – все равно. Да, что домой, что в могилу! А в могиле-то лучше... Под деревцом могилушка... как хорошо!.. Солнышко ее греет, дождичком ее мочит... весной на ней травка вырастет, мягкая такая... птицы прилетят на дерево, будут петь, детей выведут, цветочки расцветут: желтенькие, красненькие, голубенькие... всякие (*задумывается*), всякие... Так тихо, так хорошо! Мне как будто легче! А о жизни и думать не хочется. Опять жить? Нет, нет, не надо... нехорошо! Умереть бы теперь... Грех! Молиться не будут? Кто любит, тот будет молиться... А поймают меня да воротят домой насильно... Ах, скорей, скорей! (*Подходит к берегу. Громко.*) Друг мой! Радость моя! Прощай! (*Уходит.*)

Входят Кабанова, Кабанов, Кулигин и работник с фонарем.

Кулигин. Говорят, здесь видели.

Кабанов. Правда?

Кулигин. Прямо на нее говорят.

Кабанов. Ну, слава богу, хоть живую видели-то.

Кабанова. А ты уж испугался, расплакался! Есть о чем. Не беспокойся: еще долго нам с ней маяться будет.

Кабанов. Кто ж это знал, что она сюда пойдет! Место такое людное. Кому в голову придет здесь прятаться.

Кабанова. Видишь, что она делает! Вот какое зелье! Как она характер-то свой хочет выдержать!

С разных сторон собирается народ с фонарями.

Голос. Женщина в воду бросилась!

Кулигин и за ним несколько человек убегают.

Кабанов. Батюшки, она ведь это! *(Хочет бежать.)*

Кабанова удерживает его за руку.

Маменька, пустите, смерть моя! Я ее вытащу, а то так и сам... Что мне без нее!

Кабанова. Не пущу, и не думай! Из-за нее да себя губить, стоит ли она того! Мало она нам страму-то наделала, еще что затеяла!

Кабанов. Пустите!

Кабанова. Без тебя есть кому. Прокляну, коли пойдешь!

Кабанов *(падая на колени).* Хотя взглянуть-то мне на нее!

Кабанова. Вытащат – взглянешь.

Кабанов *(встает, к народу).* Что, голубчики, не видать ли чего?

Феклуша. Молодец Кулигин! Тут близехонько, в омуточке, у берега с огнем-то оно в воду-то далеко видно; он платье и увидал и вытащил ее.

Кабанов. Жива?

Другой. Где уж жива! Высоко бросилась-то: тут обрыв, да, должно быть, на якорь попала, ушиблась, бедная! А точно, ребята, как живая! Только на виске маленькая ранка, и одна только, как есть одна, капелька крови.

Кабанов бросается бежать; навстречу ему Кулигин с народом несут Катерину.

Кулигин. Вот вам ваша Катерина. Делайте с ней, что хотите! Тело ее здесь, возьмите его; а душа теперь не ваша: она теперь перед судьей, который милосерднее вас! *(Кладет на землю и убегает.)*

Кабанов *(бросается к Катерине).* Катя! Катя!

Кабанова. Полно! Об ней плакать-то грех!

Кабанов. Маменька, вы ее погубили, вы, вы, вы...

Кабанова. Что ты? Аль себя не помнишь? Забыл, с кем говоришь?

Кабанов. Вы ее погубили! Вы! Вы!

Кабанова (сыну). Ну, я с тобой дома поговорю. *(Низко кланяется народу.)* Спасибо вам, люди добрые, за вашу услугу!

Все кланяются.

Кабанов. Хорошо тебе, Катя! А я-то зачем остался жить на свете да мучиться! *(Падает на труп жены.)*

У нас ворота заперты.
У всех ворота заперты?
У нас собаки спущены.
У нас собаки спущены!
Что думаете делаем?
Дела иль богу молямси?
А коли двери заперты,
Засовы все задвинуты,
Так нечего и спрашивать,
Не надо тут подглядывать!
И неча тут подглядывать!
Мы за забором палачи,
А пред забором паиньки.
Мы дарим бедным калачи,
А дома сеем панику.

Нам слезы наши не страшны,
Нам только бы дожждаться.
Когда во власть к нам попадешь —
Нам ей не наиграться.
Молиться будем на забор,
В нём наше постоянство.
За ним разврат, отврат, раздор,
Разнузданное пьянство.
Все шито-крыто, на замке,
Никто ниче не видит!
Все шито-крыто на замке,
Никто ниче не слышит...
Шито-крыто, шито-крыто,
Шито-крыто.
Забор, Забор, Забор!